

А.В. Комаровский

Публикация Т.В. Смирновой

Воспоминания об усадьбе Измалково

Алексей Владимирович Комаровский (1914–1988) был арестован в 18 лет. После трехлетнего заключения в лагере работал на строительстве канала Москва–Волга. Был на фронте от начала до конца Великой Отечественной войны, затем работал в Институте городского строительства в Вильнюсе начальником технического отдела.

Февральская революция застала нашу семью в Тифлисе, где отец во время войны, являясь уполномоченным Земского Союза, возглавлял один из отрядов Кавказского фронта. Летом семнадцатого года мы вернулись в подмосковное имение Измалково, принадлежавшее с 1916 года, после смерти дедушки Ф.Д. Самарина, моей матери Варваре Федоровне. Это имение расположено в 20 верстах от Москвы, между станцией Баковка Белорусской ж/д. и ст. Переделкино Киевской ж/д.

Ныне в этом бывшем имении рядом с городком писателей размещается «Детский пневмотологический санаторий» (закрит – Т.С.).

**Алексей Владимирович Комаровский.
Фото из следственного дела. 1933 г.**

Все первые годы после революции мы сравнительно благополучно продолжали жить в этом еще в те годы уютном имении. Жили мы там не одни. В конце семнадцатого года по приглашению моих родителей туда приехала семья Истоминых – отец, мать, сын и дочь. Петр Владимирович Истомин, внук адмирала, героя Севастополя, служил перед революцией директором Канцелярии заместителя Кавказа. Там родители с ними и познакомились. Так как жить Истоминным после Февраля было

Граф Владимир Алексеевич Комаровский и Варвара Федоровна Самарина в день свадьбы. 1 апреля 1912 г.

негде, их пригласили в Измалково. Они приехали позднее нас из-за ареста Петра Владимировича местными грузинскими властями.

А примерно через год в Измалково приехала многочисленная семья родной тетушки матери – Осоргины. Семья состояла из родителей – Михаила Михайловича и его жены Елизаветы Николаевны, трех взрослых дочерей: тети Ляны, тети Марии и тети Тони и сына, дяди Георгия. Кроме того, с нами жила очень старая тетя отца, Любовь Егоровна Комаровская, больная старшая сестра матери София Федоровна Самарина и старенькая няня матери Ольга Ивановна. Помимо обитателей главного дома, в служебных и хозяйственных зданиях жили обслуживающие имение люди: бывший управляющий, Владимир Александрович, повариха Евгения Павловна, горничная Анна Евдокимовна, работники скотного двора, садовники и

другие. Всем им после революции просто некуда было уехать. Постепенно количество людей уменьшалось.

**Петр Владимирович Истомин с детьми Ксаной и Сережей.
Рис. М.М. Осоргиной**

**Владимир Алексеевич и Варвара Федоровна с детьми Тоней и Алешей.
Рис. М.М. Осоргиной.**

**Михаил Михайлович и Елизавета Николаевна Осоргины.
Рис. М.М. Осоргиной. 1918**

Самые первые годы, вероятно, до 20-го, во владении родителей оставался парк со всеми постройками и скотный двор с тремя коровами и двумя лошадьми. Площадь парка составляла около 15 десятин. А общая площадь имения около 250 десятин. С юга к парку примыкал так называемый «самаринский» лес, доходивший до самого полотна Киевской железной дороги.

**Сестры Осоргины. Слева направо: Ульяна, Мария, Антонина.
Рис. М.М. Осоргиной**

Примерно в центре парка стоял двухэтажный барский дом, построенный в хороших пропорциях в стиле «русского ампира» в начале прошлого века. Уже после нашествия Наполеона имение было куплено Ф.В. Самариным (прадедом матери). В этом доме провел свое детство и юность славянофил Юрий Федорович Самарин.

С южной стороны дома была лужайка овальной формы, четко окаймленная гравийной дорожкой. На лужайке, ближе к дому – цвели три клумбы с душистыми многолетними флоксами, а вдали на той же лужайке росла пушистая вечнозеленая пихта. Южный фасад стерегли, или украшали, две пары львов. Одна пара – чугунная у главного (парадного) входа в дом, другая – мраморная, в центре здания, у выхода из «маленькой гостиной». Южная сторона была более солнечная, более уютная и поэтому во все времена более многочисленная. Северная сторона была более парадной и более холодной. Посреди фасада – портик из шести колонн, на котором покоился верхний балкон с балюстрадой и над ним традиционный фронто́н. Внизу между колонн размещался нижний балкон с выходом на него из северной гостиной.

От северного фасада начинался широкий спуск, окаймленный с двух сторон липовыми аллеями. Внизу этот спуск упирался в две группы стройных лиственниц, которые по середине как бы расступались, открывая вид на пруд и на деревню, носившую то же название – Измалково. А на восток от нее, через рукав пруда, раскинулась другая деревня – Переделки. Дорога между парком и деревней Переделки проходила по земляной насыпи

Измалково. Аллея в парке.
Фото А.В. Комаровской. 1990-е гг.

плотины и была обсажена с двух сторон могучими плакучими ивами, ветви которых со стороны пруда спускались до самой воды. Плотина, построенная очень давно, перегораживала глубокий овраг, по которому бежал ручей, и образовала сравнительно большой и очень живописный пруд. Этот уголок природы с прудом, ивовой аллеей и рубленной из бревен плотиной, где вечно шумела вода, был очень поэтичен. В погожие летние дни, под вечер, на плотине собиралась молодежь, которая любовалась закатом и встречала деревенское стадо, возвращающееся из «самаринского» леса. Была примета: если через плотину первой пойдет корова с белой звездочкой во лбу – завтра быть хорошему дню.

Измайловский парк имел регулярную планировку с прямыми аллеями, дорожки которых были хорошо утрамбованы битым кирпичом. Липовые аллеи почти все шли с юга на север, спускаясь к пруду. Исключением была дубовая аллея, которая от центра парка шла на запад и выходила за пределами парка в поле. В конце этой аллеи, на отшибе, размещался скотный двор. Естественно, что очень скоро, кажется, через год, оттуда были украдены все три дойные коровы.

**Александра Саввишна Мамонтова и Владимир Алексеевич Комаровский.
Переделкино. 1929 г.**

В парке было два примечательных дерева: “бабушка липа” и “дедушка дуб”. Могучие вековые стволы этих деревьев были схвачены чугунными обручами, а под их кроной, кругом, размещались деревянные скамейки, хорошо защищенные кроной деревьев от дождя.

От южной лужайки на восток шла короткая липовая аллея к летней белой каменной церкви, построенной в ста метрах от дома, на открытой площадке. Церковь была небольшая, но очень светлая и, если можно так сказать, веселая. В этой церкви не было своего священника, и служить приходил священник о. Василий из Лукина. Служить в церкви начинали только весной, с Юрьева дня, то есть с 6-го мая. В этот день начинался выпас скота. После обедни крестный ход шел на большую поляну восточнее парка, которую называли «Пономаревка». На эту поляну сгоняли стада обеих

деревень. Там служили молебн с водосвятием, Потом священник проходил сквозь стадо и кропил животных святой водой. На этой же поляне, в конце лета, на Преображение 19-го августа, (престольный праздник в Лукине) традиционно возникала (а не устраивалась) ярмарка с балаганами, каруселью и палатками. Там продавали все, начиная от лакомств, одежды и обуви и кончая сбруей, коровами и лошадьми. Мы, дети, очень любили этот веселый праздник и в течение дня неоднократно возвращались на ярмарку. Сейчас на этой поляне, значительно сократившейся в размерах, стоит двухэтажный дом писателя Погодина. Писатель давно умер, дом побурел, сад при доме зарос и наполовину вымерз. Видно, наследникам эта усадьба не очень нужна.

Да и Измалковский парк трудно узнать. Деревья сильно поредели, спуск от северного балкона сильно зарос кустарником, закрыв вид на пруд, аллеи исчезли и еле угадываются, церковь снесли, и все вокруг нее заросло чахлой зеленью, а дом, изуродованный пристройками, требует капитального ремонта. /Львы сбежали в Африку/. Во время войны в доме был прифронтной госпиталь,*) а сейчас там детский санаторий.

Но вернемся к первым годам.

Оставшись после Октябрьской революции без всяких средств к существованию, наша семья, семьи Истоминых и Осоргиных решили заняться земледелием, организовав небольшую сельскохозяйственную коммуну. Именно коммуну, а не артель, потому что все было общее. Для начала все было: земля, орудия производства, семена, скот и т.д. Было и большое желание, не было только опыты и навыков в труде. К работам приступили с весны девятнадцатого года. Работали дружно, усердно, с юмором относясь к своему неумению и отдельным промахам и неудачам. Главной фигурой тут был дядя Георгий Осоргин, который еще у себя в Сергиевском хорошо освоил эти работы. В отдельных случаях советовались с крестьянами соседних деревень. Вообще отношения с крестьянами были не только лояльными, но просто дружескими, проникнутыми взаимным уважением. За все эти годы не помню ни одного конфликта, ни одного

недоброжелательного высказывания со стороны крестьян окрестных деревень (Глазынина, Измалкова, Переделок и Федосьина). Наоборот, помню много случаев доброго, сердечного отношения и бескорыстной помощи со стороны жителей этих деревень. Моих родителей постоянно приглашали на семейные праздники (свадьбы, именины, крестины), а на похороны они сами шли без приглашения. Кстати обычая поминок, похожих на тризну, в те годы не было. Даже много позднее, когда мы уже жили в Сергиевом Посаде, к нам приезжали из измалковских деревень просить родителей быть посаженными ли крестными.

Не могу не сказать тут о моей няне, Пелагее Степановне Седовой, которая жила с нами до моего рождения и ездила с нами на Кавказ. После революции она жила у своих родителей – Степана Ивановича и Марфы Яковлевны в Переделках. Не было дня, чтобы Поля, как все ее звали, не приходила навестить нас, детей. И каждый раз она приносила какое-то угощение: то творожник, то кусок пирога с грибами, то что-то другое. Ее отношение к нам было трогательно своей привязанностью, своей любовью. Мы все: родители и дети, платили ей тем же, считая ее неразрывной частью нашей семьи. От рождения Поля была хроменькая, и замуж не вышла. Две ее сестры были замужем и жили своими семьями в других деревнях. Совсем молоденькой девушкой она училась шитью и художественной вышивке на курсах, организованной моей матерью в Измалкове, и успешно кончила эти курсы. У Поли был великолепный слух и приятный, правда, слабый голос. Она хорошо пела и любила петь. Больше всего она любила песню *«Уж ты сад, ты мой сад, сад зелененький, что ты рано цветешь, осыпашься?»*. Вместе с тетями Осоргиными она постоянно пела в церкви и хорошо знала и любила церковную службу, особенно Великопостную и Пасхальную. Мы, дети, постоянно бывали у нее дома в Переделках. С годами этот седовский дом стал для нас, как родной. Это была простая крестьянская изба с большой русской печью, обогревавшей весь дом, с кухней, зальцем и небольшой горницей за перегородкой. На небольших окнах постоянно цвели скромные

душистые герани. Весь дом дышал какой-то особенной чистотой и уютом. В семье была скотина: одна лошадь, одна корова, три-четыре овцы и несколько кур. (Свиной они не держали). Отношение к животным было, «как к братьям нашим меньшим», как хорошо сказано Есениным. Особенно ухожена была лошадь, красивой серой масти в белых яблоках.

Высокий нравственный строй семьи, их уважение к памяти старших поколений, «к памяти рода», не говоря уже о прекрасных отношениях со всей деревенской общиной, вызывали к ним глубокое уважение.

Между тем, работа в измалковской коммуне наладилась и шла своим чередом. Упорный труд давал возможность всем обитателям дома иметь овощи, зелень, молоко и другие продукты. Хуже было с хлебом, который не сеяли. За деньги, сначала керенские, а потом и советские купить в Москве и в деревне было нечего. Деньги были полностью обесценены. Чтобы достать муку, надо было менять вещи и то небольшое серебро, которое еще оставалось в измалковском доме. У крестьян соседних деревень муки хватало только для себя, потому меняли у богатых мельников в деревне Рассказовке. Летом ухаживали за огородом, косили и сушили сено. К осени копали картофель и другие овощи. А потом сгребали сухой лист и утепляли им подвал и чердак. Перед зимой занимались заготовкой дров, благо «самаринский» лес был ядом. Дров заготавливали очень много, так как первые две зимы топили весь дом. Пилкой и колкой дров занимались мужчины, а их был всего трое: мой отец, Петр Владимирович Истомин и дядя Георгий Осоргин. Дядя Миша Осоргин по возрасту был освобожден от этой работы. Он исполнял обязанности главного истопника. Каждый день он щипал (колол) большую охапку лучины и по утрам разжигал все печи. Уютно было смотреть и слушать, как дружно горят и потрескивают дрова в топках печей, которые топились из коридоров. Потом дядя Миша следил, чтобы не было угара, и только убедившись, что все головешки прогорели, закрывал вьюшки печей. Так своим чередом шли хозяйственные дела первые два года.

Очень большое место в жизни обитателей дома занимала церковь. Каждое воскресенье утром все отправлялись к обедне в Лукино. Летом ходили пешком, а зимой малых и старых возили на розвальнях. Служил о. Василий. Служил он очень проникновенно и молитвенно. Псаломщиком был его сын Миша. Апостола читал дядя Миша. Хор был из местных жителей, стержень его составляли тети Осоргины и Поля. Одно время регентом хора был дядя Георгий Осоргин. В конце обедни дядя Миша облачался в стихарь и читал проповедь. Его проповеди были краткими, но очень содержательными. Помню, что к каждой проповеди он начинал готовиться за несколько дней. Зимой, под семейные праздники, иногда служили всенощную дома, в большой зале-библиотеке. Для этого договаривались с отцом Василием и под вечер посылали за ним лошадь. Большой ломберный стол сдвигали в торец зала и на нем устраивали складень-иконостас. В небольших медных подсвечниках горели восковые свечи. Кадило, к моей зависти, находилось в ведении Сергея Истомина. Пели все те же тетушки Осоргины и Поля. В первый год с ними пела и тетя Соня Самарина. По болезни ее в Лукино возили очень редко. Из деревни Измалково приходили несколько человек.

Служба шла в полумраке, освещаемая только свечами, горевшими перед иконостасом. Летом в гости иногда приезжали молодые священники. Из них хорошо помню отца Сергия Дурылина и диакона Сережу Толстого, внука Льва Николаевича. Когда они приезжали, чтобы не беспокоить о. Василия в маленькой церкви служили эти приезжие. Летом по большим праздникам в Измалково из Москвы часто приезжали гости, и среди них было много молодежи.

В.А. Комаровский. Фото 1937 г.

Особенно много народа приехало летом девятнадцатого года на именины моего отца. Дом был свободный, и разместить гостей было где. Из приезжавших запомнились взрослые дочери и сын Ивана Ивановича Раевского, дядя Сергей Дмитриевич Самарин, который ухаживал за тетей Льяной Осоргиной, семья Урусовых и другие**). Устраивались игры в горелки, катание на лодках и импровизированные концерты. Особенно запомнился мне Артемий Раевский. У него была красивая внешность и чудный голос.

До Измалкова как бы еще не докатилась революционная волна. Здесь был своеобразный оазис, и это притягивало гостей. Многие из них затем оказались в эмиграции.

С тех пор прошло много лет. Сейчас, приезжая в Измалково, чувствуешь себя неуютно. И хотя население деревень не убавилось, скорей увеличилось, но нет там прежних Седовых и Буровых. Не встретишь на плотине деревенского стада (молоко привозят из Москвы) или повозки, запряженной лошадью. Зато снуют в обе стороны МАЗы и ВАЗы, да воздух сотрясается от гула идущих на посадку самолетов. Нет больше Полиного дома. На его месте стоит кирпичная коробка, оснащенная центральным отоплением с АГВ да высокой телеантенной. Там больше не пашут и не сеют. Да и скот держать невозможно. Поля и луга заросли кустарником или застроены дачами. Сена не заготовишь. Весь самаринский лес разбит на участки и застроен мрачноватыми дачами писателей. Там не только корову, но любую деревенскую козу встретят так, что она навсегда забудет дорогу

туда. Таким образом, этот уголок Подмосковья из производителя превратился в потребителя и нахлебника Москвы.

За прошедшие годы прокатились события, потрясшие всю страну. Они раскидали людей во все стороны и перемешали все население как винегрет.

**) См. стихотворение Пастернака «Старый парк». Примеч. А.В. Комаровского.*

**) Здесь ошибка памяти: Урусовы проводили лето не в Измалкове, а в д. Переделки в 1922 году. Примеч. А.В. Комаровской.*

А.В. Комаровский. Вильнюс. 1988–1989.

Текст опубликован: Подмосковный летописец, 2007. № 4. С. 57–61.